

героя классицистической трагедии, но еще ничего не говорит о проблематике последней. Для того чтобы получить ключ к ней, необходимо обратиться уже непосредственно к этическому сознанию эпохи, к тем проблемам, которые перед ним стояли. И то и другое генетически восходит к эпохе Возрождения.

Освободив человека при помощи возрожденной древности от норм авторитарно-церковной морали во имя полноты и гармонии духовной и телесной жизни, идеал которой давала та же древность, Возрождение оказалось, однако, бессильным создать свои, положительные нормы поведения освобожденного, земного человека. *Практически* же этот человек в своем безудержном стремлении к личному благу, с ренессансной точки зрения законному и естественному, безжалостно попирает столь же законное право на счастье и земное наслаждение себе подобных и сам становится жертвой их эгоистических устремлений. Кровавая анархия и разнузданный деспотизм общественно-политического строя итальянских городов и республик служат ярким выражением глубокого противоречия между провозглашенным Возрождением правом человека на все земные радости и реальной необеспеченностью этого права. Это противоречие и поставило перед человечеством вопрос: в чем же заключается истинное благо земного человека и где лежат пути к его достижению?

В такой постановке вопроса уже заключалась проблема разумного самоограничения личности во имя ее же собственного блага. Последним и определяется своеобразие материалистической морали XVI—XVII веков и ее существенное отличие от просветительской морали. Дело в том, что сама естественная природа человека понималась в эпоху становления и расцвета французского абсолютизма существенно иначе, чем в эпоху Просвещения. Естественный человек последнего от природы прекрасен и добродетелен. Все зло заключается в неразумном общественном устройстве, уродующем и насилующем естественную природу человека, обрекающего его на всякого рода несчастья и страдания. Подобного противопоставления «природы» и «общества» материалистическая мысль предшествующих веков не знала. Для нее источники человеческого блага и зла одинаково лежали в человеческой природе, неизменной, но далеко не совершенной, одинаково способной привести человека к благу, процветанию и к гибели. Отсюда напряженный интерес к самой механике «действия человеческих страстей» и прочих «способностей человеческой души». Необходимо иметь в виду, что наивно-материалистическая мораль, как и все материалистическое сознание того времени, носила атомистический характер.